

Призрак
и Я

ЕКАТЕРИНА
МИРИМАНОВА

Екатерина Мириманова

Призрак и я

«ЭКСМО»

2010

Мириманова Е. В.

Призрак и я / Е. В. Мириманова — «Эксмо», 2010

Эта книга – не просто история о женщине, которая однажды вдруг понимает, что прожила свою жизнь совсем не так, как хотела. Не просто мистическая история о переходе из нашего мира в иной и о том, что нас там ждет. Не рассказ о жизненном кризисе молодой женщины, в самый тяжелый момент которого ей вдруг является призрак ее прошлого для того, чтобы помочь исправить ошибки. Эта книга – о каждом из нас. О том выборе, который мы совершаем ежедневно. О тех решениях, которые принимаем. О тех поступках, которые совершаем. О тех вопросах, которыми задаемся. О тех смыслах, которые ищем. Не с каждым из нас рядом окажется в нужный момент призрак или ангел-хранитель. Но каждый может стать ангелом-хранителем для себя самого.

© Мириманова Е. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
10 октября 2053 года, 10.00	7
Глава 2	12
Дата смерти: 10 октября 2053 года. День первый	12
Глава 3	17
20 сентября 2009 года	17
Глава 4	24
13 ноября 2009 года	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Екатерина Мириманова

Призрак и я

Памяти Л. К. посвящается

*Мне нужна была вся пережитая боль, чтобы стать тем, кто я
есть сейчас.*

© Мириманова Е. В., текст, 2010

© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2010

Предисловие

Вы никогда не думали о том, что в жизни очень многое согласовывается с нашими поступками? Можно постоянно о чем-то мечтать и не получать этого, а потом в один момент начать действовать, принять важное решение и изменить ход вашей «персональной истории» навсегда, начать если не с чистого листа, то хотя бы с крутого поворота. Никому на этом свете неизвестно, как закончится ваша жизнь, даже вам. Но зато вы способны понять, что бездействие и пустые сетования в определенных ситуациях способны оказать самое негативное влияние на ваше настоящее и будущее. Большинство из нас рождается с необходимыми знаниями, но чем старше мы становимся, тем меньше хотим вспоминать о них...

У меня есть две новости: хорошая и плохая. Начну с хорошей: в пространстве, во времени существует множество направлений, и вы вольны выбрать любое и следовать ему. Можете изменить текущее и переместиться на другую линию жизни или придерживаться уже выбранного сценария, пусть не всегда удачного. Что же касается плохой новости: жизнь у нас всего одна, и второй попытки в реальности не бывает, здесь нет черновиков. Поэтому в следующий раз, когда вы попытаетесь отложить что-то на завтра или подумать о других шансах, которые когда-нибудь, вероятно, представятся, остановитесь и поразмышляйте вот о чем: а не упускаете ли вы возможность прожить эту жизнь так, как вам нравится? И к чему вы придете, если все время будете идти на поводу у обстоятельств?

Все ответы уже есть внутри вас, иногда скрытые слишком глубоко, чтобы увидеть их поверхностным взглядом. Вы знаете все, что вам необходимо, однако часто боитесь себе в этом признаться. Ведь шагнуть в неизвестность гораздо сложнее, чем идти проторенной дорогой. Но судьба всегда вознаграждает тех, кто рискует, кто, преодолевая свой страх, идет вперед. Вы не станете мудрее, если не будете предпринимать попытки изменить свою жизнь. Только новый опыт способен дать вам знания. Я думаю, многие из вас встречали пожилых людей, которые вели себя как дети, и наоборот, молодых, которые реагировали на испытания с необыкновенной мудростью. И это ни в коем случае не означает, что, если вы прожили уже значительную часть своей жизни, вам не стоит даже пытаться принимать непредсказуемые решения. Это значит – нужно пытаться и не пугаться первых же возникших трудностей, тогда, рано или поздно, вы обязательно достигнете желаемой цели.

Глава 1

Переходный возраст

10 октября 2053 года, 10.00

Мужчина, уже немолодой, явно за пятьдесят, сидел на стуле у окна и молча смотрел на спящую женщину. На его лице были заметны глубокие морщины, а уголки губ безнадежно опустились. Волосы сохранили природную густоту, но изрядно поседели. Несмотря на усталость в уже мутноватых голубых глазах, он казался бодрым, возможно, за счет безупречной осанки и худощавости. Просторный бежевый льняной костюм сидел на нем идеально, ни единой складочки, как будто он только что надел его.

– Лида, подъем, сколько же можно валяться в кровати! – раздался негромкий женский голос, и пожилая женщина открыла глаза.

Кажется, ничего не изменилось. Те же белые стены и раздвижные металлические двери. Как часто в те несколько секунд, что проходят между пробуждением мозга до тех пор, пока не открылись глаза, ей хотелось, чтобы все было по-другому, и она на мгновение верила, что наступил иной день, который перенесет ее в новую жизнь. Но окружающая действительность никогда не становится иной без нашего участия. По большому счету, что она могла сделать, чтобы что-то изменить?! Да и потом – этот вариант не самый худший. По крайней мере, она здесь не одинока, всегда находится собеседник. Пусть даже желание разговаривать появляется все реже. Когда она была молодой, казалось, что с ней такого точно не случится. «Так странно, я помню то, о чем думала много лет назад, а события, произошедшие позавчера, даются мне с трудом», – пронеслось у Лиды в голове.

– Лидочка, ну нельзя же спать по двенадцать часов подряд! Посмотрите на себя, все лицо отекло! – всплеснула руками медсестра.

Лида медленно поднялась и пошла, опираясь на стальную трость, в другой конец комнаты, туда, где было подвешено зеркало. Вид и впрямь не очень свежий. Наверняка в этом виновато новое снотворное, которое назначил ей врач. В голове все еще вертелись обрывки сна, но что именно ей привиделось – она не помнила.

– Да, Ирина, вы правы, – вслух произнесла она, прочитав имя на беджике медсестры, – и впрямь не слишком впечатляющее отражение в зеркале. Но ведь я уже не девочка! Когда доживете до моих лет, порадуетесь, если будете выглядеть так же.

Мужчина, сидевший в другом конце комнаты, встрепнулся, услышав эти слова, словно кто-то окликнул его. «Какая же она смешная! За всю жизнь так и не научилась ценить себя!» – подумал он. Его присутствия почему-то никто не замечал.

– Нет, я не доживу, я веду слишком неправильный образ жизни! – откликнулась Ира с грустной улыбкой.

– Неправильный образ жизни? – усмехнулась Лида. – Если бы вы видели меня лет сорок назад, вы бы поняли, что такое неправильный образ жизни!

– Лида, так вы мне это каждый день рассказываете. Но я почему-то смотрю на вас и все равно не верю, что вы говорите правду. Не похожи вы на бунтарку. – Она слегка склонила голову набок.

– А они как-то отличаются от обычных людей, бунтари? – Лида неспешно начала умываться.

– Не знаю. Мне кажется, такие люди должны быть в татуировках, независимо от пола и возраста. И вообще, они обычно попадают не в такие дорожные заведения, как наше, а в самые

простые. Ну, вы знаете, типа того, что недавно открыли на Вечерней улице. Вы же читали о нем в Сети, помните? – с надеждой уставилась на нее медсестра.

– Конечно, не помню, Ира! – раздраженно ответила Лида. – Вы же знаете, что недавние события я редко могу воспроизвести в памяти. Скажите спасибо, что я не прошу выписать меня отсюда обратно домой, как почти все здесь присутствующие. – Она вытерла лицо полотенцем, накинула халат и направилась к дверям. И вдруг проговорила: – Интересно, в трезвом уме и здравой памяти люди когда-нибудь задумываются о том, как на самом деле закончится их жизнь?! Нет, мы любим рассуждать о том, что станет с миром, если завтра нас не станет, или как мы героически погибнем, спасая кого-то, или как разобьемся в какой-нибудь аварии, умрем от болезни в мучениях. Но никто почему-то не решается представить себя в таком заведении, например. Или, допустим, прикованным к инвалидному креслу. Спроси здесь любого, думали они, что все так закончится, – отрицательный ответ вы услышите практически от каждого.

Лицо мужчины от этих слов еще больше постарело. Он тоже часто размышлял об этом в последние годы, с тех пор как Лида попала сюда. С его легкой руки ее поместили в «приличное» заведение. Здесь, по крайней мере, имелись все условия, отдельная палата. Что еще он мог сделать в такой ситуации?! Другого выхода он уже просто не видел. Он слишком поздно понял, что происходит.

Ира вдруг подумала, как боится того, что закончит свои дни так же, в сумасшедшем доме, не помня многого из своей жизни, в которой, по большому счету, и так не было ничего примечательного. Конечно, по сравнению с началом века медицина шагнула далеко вперед, и теперь больные деменцией благодаря современным препаратам могут пребывать в относительно здоровом уме и более-менее трезвой памяти. Но они обречены жить под наблюдением врачей и постоянно принимать лекарства, а это отрицательно сказывается на настроении и общем морально-психическом состоянии.

Прижав палец к сенсорному экранчику, Лида услышала знакомое: «Авторизация. Подтверждение» – и вышла в коридор. Сколько лет она провела здесь, что все утренние ритуалы стали настолько привычными, обыденными? Она помнила, что вначале ей было страшно оттого, что она тут оказалась, оттого, что подумают о ней соседи по прежнему дому, оттого, что она останется здесь навсегда. Но постепенно привыкала к новым правилам, смирилась с мыслью о бесполезности существования вне стен заведения, потому что память без приема лекарств покинула бы ее с катастрофической быстротой. Ира неотступно следовала за ней и постоянно что-то говорила. Лида размышляла о том, что ее ужасно раздражают люди, которые так много болтают и никогда не выказывают желание послушать. С другой стороны, что бы она могла рассказать медсестре? Только истории из бурной молодости, которые, вероятно, Ира уже неоднократно слышала.

Мужчина следовал в двух шагах от них, оглядываясь по сторонам. Светло-коричневые стены смотрелись очень необычно. Казалось, все здесь отвечает современным стандартам. Красивая мебель, молодые приветливые сиделки и медсестры, жалюзи на окнах, множество мониторов повсюду. Но сквозь раскрытые двери некоторых палат периодически слышались плач, стоны, бормотание и крики, и это напоминало о том, где он находится. Конечно, он уже не так обращал внимание на них, как вначале. Раньше эти звуки легко выбивали его из колеи, и потом он еще долго восстанавливался после посещения Лиды, а крики стояли в ушах. Но ко всему можно привыкнуть.

– Лида! – прервал его мысли Ирин голос. – Я понимаю, что вы не настроены на болтовню, но я должна отослать заказ на завтрак. Что вы выберете сегодня?

Лида неожиданно остановилась. Какая, по большому счету, разница, что она будет есть?! Это изменит что-то в ее жизни? Ей станет от этого лучше? Почему всех так интересует, хороший ли у нее аппетит? Или еще один любимый вопрос врачей: как вы сегодня спали? Почему

никто не спрашивает: Лида, о чем ты думаешь, что ты чувствуешь, когда... Но вслух она прозвнесла:

– Яичницу с сырокопченой колбасой, к черту холестерин! – и сама удивилась тому, как громко прозвучал ее голос. Пожилая женщина, ее соседка, неспешно направляющаяся в больничный кафетерий, остановилась и нервно оглянулась.

– Здравствуй, Анечка! Отлично выглядишь!

А про себя Лида отметила, что выглядят они с каждым месяцем только хуже. Аня ничего не ответила на такое бодрое приветствие. Люди, попадающие сюда, чаще всего неразговорчивы. Поначалу они пытаются бурно обсуждать происходящее с соседями по палатам, но, когда приходит осознание того, что они здесь навсегда, до последнего вздоха, они понимают, что говорить уже особенно не о чем. Им больно думать о том, что с ними стало, они не хотят признаваться себе, что нездоровы. И предпочитают другое занятие: вспоминать о прошлом. Им кажется, что в этой жизни все уже давно закончилось, еще задолго до того, как они сюда попали. Каждый день похож на другой.

Лида с медсестрой молча зашли в зеркальный лифт. Мужчина проследовал за ними и скромно встал у стены. Лида взглянула на свое отражение. А ведь когда-то она волновалась о появлении первых морщин. Сейчас ее скорее обеспокоит, если в течение года не появится хоть одна новая. Вообще, зачем делать зеркала в лифте дома, где обитают в основном пожилые люди? Чтобы каждый раз напоминать им, как они плохо выглядят? Или дизайнеры думали, что им будет уже глубоко безразличен их внешний вид? Конечно, так чаще всего и происходит, но иногда случаются исключения. Взять хотя бы ту женщину, Русалку, как ее называли медсестры. Лида так и не узнала ее настоящее имя, она ненадолго задержалась в соседней палате. У нее были потрясающие длинные седые волосы, и каждое утро, идя по коридору на завтрак, Лида видела, как та расчесывает локоны, сидя у окна.

– Ира, – внезапно очнувшись, проговорила Лида, – а сколько вам сейчас лет?

– Тридцать восемь. А что? – на лице медсестры любопытство смешалось с удивлением.

– Да так, ничего. Хотя нет. Я не случайно спросила. Просто вот смотрю на вас и думаю: мне же ведь, наверное, совсем недавно было столько же, сколько вам. И меня переполняли амбиции, планы, цели. Но как-то все подуспокоилось... – И она вдруг снова задумалась. И впрямь, о чем она грезилась в 2010 году? А ни о чем особенном. Как-то все было скучно. С Пашей они тогда уже расстались. Их отношения с самого начала казались ошибкой. Ее карьере пришел конец из-за кризиса и переезда в Ярославль. Мужчина нахмурился, словно прочитал ее мысли.

– Наш этаж, выходим! – скомандовала Ира, и они, переступив порог лифта, вышли в просторный зал. – Ну все, я тогда пойду, а вы завтракайте. Советую вам сесть на террасе, погода сегодня чудесная. Если что – позвоните мне!

Лида кивнула и направилась к белоснежным столам. Как все-таки это не похоже на те дома престарелых, что существовали в ее молодости! Раньше она смотрела зарубежные фильмы и сравнивала иностранные заведения с той больницей, в которой лежала ее бабушка. Разница потрясала. Казалось, что в таких условиях человек просто не может чувствовать себя не в своей тарелке. Но нет. Здесь тоже все как-то не так.

«Интересно, есть ли места на Земле, где человек способен постоянно чувствовать себя комфортно?! Когда я жила в «хрущобе», казалось, что, переехав в новый дом с просторными комнатами, кухней и огромной ванной, я почувствую наконец удовлетворение. Потом я поняла, что одиночество мешает мне наслаждаться моей новой квартирой. Но даже когда я встречалась с Ним, мне все равно не нравилось так много всего! Снова одна, и опять все грустно. Худшие условия, но негативный опыт не научил меня мыслить позитивнее, скорее наоборот. Я думала, что, переехав в дом престарелых, начну больше общаться с людьми, но в конечном итоге поселилась в отдельной палате, чтобы никого не видеть и не слышать. А о чем с ними говорить??? О

том, что они ничего не помнят, о том, как все плохо, или о несбывшихся мечтах?! Это наводит такую тоску, что хочется повеситься», – с этими мыслями Лида прошла к стойкам с едой.

Взгляд остановился на яичнице с колбасой. Всю жизнь Лида сидела на диетах. Сначала опасалась за фигуру и, пытаясь ее сохранить, постоянно отказывалась от сладкого. Потом начались проблемы с сердцем, и она, испугавшись высокого холестерина, отказалась от всего жирного. И вот в семьдесят лет диагноз: диабет. Она по-прежнему пыталась следить за весом и до того момента ела очень ограниченное количество сахара, но отказалась от него вовсе. И спрашивается – ради чего?! Сейчас она бы предпочла умереть от шоколадного торта, нежели от того, что просто слишком стара. У нее никого не осталось. Все родственники уже либо умерли, либо окончательно сошли с ума. Подруги университетских времен тоже стали какие-то странные. Им все лень и ничего не хочется. А Вероника, воспоминания о ней, к сожалению, почти стерлись...

Мужчина окончательно приуныл, глядя, как меняется Лидино лицо. Он знал, о чем она сейчас думает. Такие мысли в конце концов появляются у всех. Он отлично понимал, что они неизбежны и даже нужны, но от этого легче ему не становилось. Почему он не может помочь ей прямо сейчас, зачем ждать?! Он решительно направился к Лиде и коснулся ее правого плеча.

«О чем это я? Эти провалы в памяти меня пугают, – словно перестроившись на другую волну, подумала Лида. – В руках у меня поднос, видимо, я размышляла, что лучше взять на завтрак: чай или молоко». Она распахнула высокие стеклянные двери и вышла на просторную террасу, построенную полукругом, с белыми колоннами. Наверное, о таких писал Чехов. Ее лицо окатила волна удивительно свежего прохладного воздуха! Кто бы мог подумать, что всего в десяти километрах от Москвы в 2053 году будет так хорошо! Уже октябрь, а деревья только начали желтеть. И этот аромат, смесь прелой листвы, влажной земли и наступающих холодов, всегда завораживал ее. Именно благодаря такому запаху можно отчетливо сказать, что зима уже совсем близко.

Лида села за столик и накинула на плечи теплый шерстяной плед, заботливо оставленный персоналом на плетеных креслах. Мужчина, неотступно следовавший за ней, встал позади, напряженно скрестив руки на груди. Она неторопливо резала горячую яичницу и размышляла, как много всего делала зря. Вся ее жизнь была подчинена правилам, которые она сама же для себя и придумала, по большей части лишним и не всегда логичным. Досадно, что теперь судьба уже сложилась, подобно мозаике, деталь за деталью. И если бы сейчас она извлекла хоть один элемент, целостность картины нарушилась бы, весь ее мир рухнул, и появилось бы ощущение абсолютной бесполезности прожитой жизни.

– Хотя сейчас уже наивно пытаться скрывать от себя тот факт, что я не сделала в жизни ничего, заслуживающего мало-мальского внимания, – произнесла Лида вслух. Ее глаза внезапно увлажнились, все лицо напряглось, как будто пытаясь остановить подступающие слезы, но она почувствовала, что не в силах контролировать свои эмоции, и на щеках появились влажные дорожки, сначала на левой, потом на правой. Она не рыдала и не всхлипывала, слезы просто лились из ее глаз, и она уже не хотела их сдерживать, пожалуй, первый раз в жизни. Казалось, что влага на щеках способна смыть всю ту боль, которая накопилась в душе. Но это не помогало. Она лишь глубже ощущала опустошенность и тоску.

Мужчина больше не мог видеть ее в таком состоянии. Его сердце рвалось на части, он знал, что чем дольше она будет думать обо всем, тем хуже ей станет. Это замкнутый круг, из которого для нее уже не существует выхода. Она никогда не сможет мыслить иначе, а значит, не будет счастливой. Так зачем оттягивать момент, лучше обрубить концы и предоставить выбор ей. Он поднял руку над ее плечом и замер на мгновение. Он смотрел на свою кисть и словно не узнавал ее. Он знал, на что способен, но ему было тревожно каждый раз, когда он это делал. Вместе с тем он понимал, что в большинстве случаев дарит людям облегчение и покой. И все же впервые боялся наступления главного момента и одновременно слишком любил ее, чтобы

позволить мучиться еще хотя бы минуту. Он протянул руку к ее правому плечу, но не отдернул ее, как обычно, а плотно прижал к ее теплому халату...

И вдруг Лида отчетливо вспомнила, как много лет назад любовалась точно такими же листьями, сидя в лодке в парке «Царицыно», рассматривая отражение деревьев в, казалось, неподвижной воде. Правда, тогда было холоднее, хотя на дворе стоял сентябрь. Она думала, как много всего впереди, какие перемены скоро наступят в ее жизни. Рядом сидел очень дорогой для нее человек. Для Лиды вдруг перестал иметь значение ее возраст, внешность, в голове стояла лишь эта картинка. Только она имела какую-то ценность. «Боже, как грустно! Неужели мы существуем всю жизнь только для того, чтобы нам было что вспомнить в старости? Если это и есть смысл жизни, то он какой-то... бессмысленный», – пронеслось у Лиды в голове, но мужчина уже положил другую руку на ее левое плечо.

«Да, я все помню. Мне тогда исполнилось двадцать лет. Я готова была на все, лишь бы чувствовать тепло его рук, таять от его взгляда. И мы смеялись, целовались, мечтали о будущем, говорили о том, как замечательно, что вообще встретились. Мы катались на лодке, долго, часа два. И я даже сейчас могу ощутить ту всеобъемлющую неподдельную радость. Как же было хорошо! А потом мы пошли в ресторан и там так душевно пели под аккордеон какую-то старую песню. Я уже не помню мотив, только несколько строчек, хотя нет, и они позабылись. Все так реалистично, как будто я снова там. Я беру его за руку, она такая настоящая, теплая. Может, я сплю? И вдруг он говорит: «Я люблю тебя». Так спокойно, почти будничным тоном. Господи, мое сердце готово разорваться от счастья! Я здесь, снова с ним. Лучи осеннего солнца, и его лицо, тонущее в этом золотом сиянии, сверкающе-голубое небо, отдаленные звуки музыки, кружащиеся листья – все переплелось, все смешалось».

Она больше ничего не чувствовала, только радость и покой. Слова, запахи, эмоции, мысли, картинки, чувства – все слилось воедино. Как же хорошо! Если бы она могла еще раз прожить свою жизнь, сейчас все было бы по-другому. Свет, музыка, слова, шум ветвей, блеск воды, его лицо, свет, музыка, слова, шум ветвей...

– Лида! Лида! Мы ее теряем! Срочно в реанимацию! Быстрее, шевелитесь, носилки! Врача! Скорее!

Она уже не слышала голоса медсестер. Она снова была там, где ей хорошо. Она здесь и останется.

Он стоял немного поодаль и не мог оторвать взгляда от этого зрелища. Оно всегда его завораживало. Момент, когда душа отделяется от тела, казался ему священным. Он боролся с собой, чтобы не подбежать к ней, не поприветствовать ее прямо здесь. Ведь все эти годы он ждал минуты, когда она сможет его увидеть. Быть невидимым для существа, с которым проводишь каждую секунду на протяжении многих лет, очень непросто. Это тяжелое бремя, которое он сам взвалил на свои плечи. От Лидино тела начало исходить голубое свечение. И он понял: ему нужно на время исчезнуть.

Глава 2 Толин

Дата смерти: 10 октября 2053 года. День первый

И вдруг что-то словно выдернуло ее из того ощущения покоя и умиротворенности, в котором она пребывала последние мгновения. Интересно, сколько с того момента, как она попала в плен своих иллюзий, прошло минут, часов? Или это реальность? Имеет ли здесь значение время – не так важно. Главное – она наконец вспомнила, что была счастливой. Но теперь все перевернулось. Лида как будто падала, нет, скорее парила в черной невесомости. Она всегда боялась перелетов даже на самолете, что уж говорить про «зависания» в неизвестности.

Лида вдруг осознала, что там, где она находится сейчас, отсутствуют определения. Быстро, медленно, километры, секунды, килограммы, красивое, отвратительное – все то, к чему она так привыкла и считала важным в своей жизни, вдруг исчезло, перестало существовать. А ведь она всегда представляла смерть совсем по-другому. Откуда она знала, что умерла, Лида не могла сказать наверняка. Просто в этой пустоте все вопросы становились умопомрачительно глупыми, а ответы – абсолютно очевидными. Она не парила над своим телом, не видела ожидаемого света в конце туннеля – никакой подготовки, шоковая терапия какая-то. Все органы чувств были отключены, никаких ощущений. Так странно было осознавать, насколько важны в нашей жизни запахи, звуки, прикосновения, – теперь, когда они отсутствовали.

Внезапно свободное парение так же неожиданно закончилось, как и началось. Все утерянные чувства вернулись разом, без предупреждения. Голова готова была расколоться от нахлынувшей информации. Лида закрыла глаза, чтобы немного ослабить напряжение, и уловила запах... сладкой ваты. Вот уж чего она точно не могла ожидать от загробной жизни! А вдруг она не умерла, и это всего лишь реакция на новые психотропные препараты, назначенные врачом на прошлой неделе?

Она ощутила под спиной опору, услышала отдаленный гул и, набравшись смелости, открыла глаза и огляделась. Лида лежала на кровати в просторной комнате. Мебель, стены, потолок – все вокруг было в изумрудных тонах. «Красиво, – пронеслось в голове, – а я думала, в загробном мире все белое и...» Но тут она замерла, увидев стоящего у кровати мужчину старше средних лет, худощавого, уже почти полностью поседевшего, с грустными голубыми глазами.

– Вы – Бог? – только и смогла выдавить из себя Лида.

В ответ мужчина громко рассмеялся. А потом посмотрел на нее нежным взглядом и сказал неожиданно серьезно:

– Лида, если бы Бог занимался каждым из умерших, у него бы не хватало времени контролировать события, происходящие на Земле. – Его голос звучал мягко и как-то успокаивающе.

– А откуда вы знаете, как меня зовут, ведь я вас не... – начала было она, но осеклась, подумав, что вопрос прозвучал не очень уместно. До сегодняшнего дня, несмотря на преклонный возраст, Лида, как оказалось, о многом имела неверное представление. – Кто вы?

– Второй вопрос показался мне более уместным, – улыбнулся мужчина. – Я – твой ангел-хранитель.

От этой новости Лида резко села на кровати, сама удивившись своей прыти. В голове все еще звучало: «Я твой ангел», но сознание отказывалось переварить подобную новость. Нельзя

сказать, что она была атеисткой при жизни, но и особо верующей никогда себя не считала. Поэтому сейчас пребывала в полном недоумении, почему к ней пришел ангел, и вообще, что ее ждет теперь.

– Я знаю, тебе страшно, – продолжал он тем временем, – ты не понимаешь, что произойдет в следующую секунду, но не нервничай, я с тобой, так же, как и был всю твою жизнь.

– Где я? – Лида все еще была в состоянии легкого шока.

– Ты в безопасности. Здесь тебе никто и ничто не способно навредить. Можно навсегда забыть свое прошлое и начать другую жизнь с чистого листа. Или попробовать сделать выводы из своей предыдущей жизни и создать новую... Кстати, меня зовут Толин, – ответил мужчина и снова пристально заглянул в ее лицо.

– Толин?! А я думала, у вас тут всех называют как-нибудь высокопарно, что-то типа Серафим, Гавриил, ну, вы понимаете, – усмехнулась Лида. – А еще у меня всегда имелась твердая уверенность, что у ангелов должны присутствовать крылья. Знаете, такие большие и белые, как вас обычно рисуют на картинках.

– Прости, если разочаровал, – улыбнулся он. – Ты думала, что после смерти увидишь свет в конце туннеля. Тебе предстоит сделать здесь много интересных открытий. Начнем с моего любимого, – улыбнулся ангел и, развернувшись на пятках, достал из комода, стоящего позади него, большое зеркало.

Лида смотрела на происходящее с недоумением.

– Вы хотите показать мне мое лицо, чтобы я начала комплексовать на вашем фоне? – попыталась пошутить она. – Сколько вам лет? Вы, наверное, годитесь мне в сыновья!

Толин ничего не ответил, но подошел чуть ближе и повернул зеркало к ней.

– Здесь нет понятия возраста! Ты же сама осознала это, пока проходила обряд очищения Бесконечностью, – улыбнулся он.

Лида не могла вымолвить ни слова. Ее отражение выглядело, будто ей снова тридцать пять лет: подтянутая кожа, достаточно подтянутая фигура, темно-рыжие волосы, и руки – такие гладкие, совсем не сухие, без коричневых пигментных пятнышек.

– Может, вы все-таки моя галлюцинация, Толин? – Лиде все происходящее казалось абсурдом.

– Я бы хотел, чтобы это было именно так, но, увы, ты умерла. Хотя «увы» здесь неподходящее слово, скорее, это произошло к счастью. Обычно людей расстраивает не сам факт смерти, а воспоминания о прежней жизни. Здесь не сразу стирают их, а дают девять земных дней, чтобы вы могли собраться с мыслями и решить, насколько довольны тем, как сложились ваши жизни. А потом, исходя из ваших выводов, мы либо стираем из памяти души всю информацию, либо – нет.

– От чего же это зависит? И для чего нужны девять дней? – приподняла бровь Лида, не отрывая взгляда от зеркала, все еще не веря своим глазам.

– Не все сразу. Подожди немного, и ты все поймешь. А сейчас пойдем, я покажу тебе твою новую реальность, – ответил Толин и протянул ей руку.

Лида нервно вцепилась в его ладонь, понимая, что он – единственное связующее звено между ее прошлым и настоящим. Он – тот, кто, по всей видимости, незаметно был рядом все эти годы, а значит – знал о ней абсолютно все. «Господи, какой ужас! – подумала она. – Я чувствую себя хуже, чем если бы оказалась раздетой в общественном месте!»

– А ты лучше говори вслух, чтобы привыкнуть, – Толин прервал ее мысли с лукавой улыбкой. – Ангелы слышат абсолютно все, даже те мысли, которые ты пытаешься прятать от самой себя в глубинах подсознания. Поговорка «все тайное становится явным» – это о нас, просто люди не всегда верно ее трактуют. Пойдем, – он потянул ее за руку к окну, задернутому плотными изумрудными шторами, и, слегка взмахнув рукой, заставил их раскрыться.

В глаза сразу ударил яркий свет, и Лида зажмурилась, ведь она уже привыкла к полумраку, но, услышав стук оконных рам, с нерешительностью открыла глаза. Они с Толином стояли у открытого балкона.

– Куда ведет эта дверь? – спросила она, слегка нахмутив лоб. – Вообще, почему я должна вам доверять? Я вас вижу впервые, – ее начало охватывать беспокойство.

– Знаешь, будь кто-то другой на твоём месте, я бы сказал, что у него нет другого выбора. Но поскольку ты – это ты, я просто не могу так поступить. Я достаточно долго нарушал правила, так что хуже уже не станет, – ответил Толин и заглянул в ее глаза. – После обряда очищения ты попадаешь в «Комнату решений», где выбираешь то, как хочешь выглядеть в дальнейшем. Задача ангела на данном этапе – немного успокоить своего подопечного и вывести его в Мир Света, где он будет находиться все девять дней, пока не вернется в «Комнату решений», чтобы принять свою новую судьбу.

– Подождите, вы хотите сказать, что свой облик выбрала я сама? Почему именно этот возраст? Почему я не стала другой, ну, я не знаю... какой-нибудь актрисой, или восемнадцатилетней? – перебила его Лида.

– На этот вопрос ты очень скоро ответишь сама. Как правило, существуют объективные причины, по которым мы становимся именно такими после смерти, – его взгляд был таким мягким, что глаза отводить не хотелось ни на секунду. – Чаще всего в том облике, в котором ты оказываешься, ты находилась на развилке своей жизни, принимала решения, в правильности которых не уверена. Это помогает воспроизводить в памяти прошлое, а значит – способствовать скорейшему ответу на главный вопрос: что будет через девять дней? Иногда внешний облик обусловлен тем видом, который мы имели перед смертью. Такие люди, как правило, прожили счастливую жизнь и ни о чем не жалеют. В течение ближайшего времени твой облик может трансформироваться, в зависимости от того, имелись ли у тебя нерешенные проблемы в другие периоды. Когда умирают совсем молодые люди, они часто принимают вид тех, кем восхищались на Земле. Поэтому не удивляйся, если увидишь вокруг множество похожих как две капли воды знаменитостей, – подытожил он, слегка усмехнувшись.

– А есть среди присутствующих Там – люди некрасивые? – Удивление Лиды все нарастало.

– Да, конечно! – ответил Толин, внезапно став серьезным. – Когда мы только попадаем сюда, нас поражает возможность трансформировать свою внешность по желанию, а поскольку большинство из нас комплексовало при жизни из-за формы носа, веса или чего-то еще, мы стремимся обрести красоту «внешней оболочки», чтобы убедиться в том, что лицо или фигура помешали достичь большего. Однако Бог мудр, и Он не случайно сотворил несовершенство. Если бы Его привлекала красота, положила руку на сердце, Он бы вообще не стал создавать людей. У них удивительная способность портить все то прекрасное, что Он делает. Но когда живешь там, внизу, – он многозначительно опустил глаза, – осознать это очень сложно, а здесь на все начинаешь смотреть по-другому, – и с этими словами Толин вздохнул. – А теперь пойдем, я и так уже перегрузил твою еще не окрепшую душу лишней информацией. И, пожалуйста, доверься мне!

Лида вцепилась в его руку, они перешагнули порог огромного балкона, и перед ее глазами предстало удивительное зрелище. Дверь, как оказалось, вела в город. Нет, это неправильное слово. Здесь отсутствовали машины, вокруг были двухэтажные домики, каждый находился на отвесном холме, с террасами, подобными той, на которой стояли они с Толином. Чуть поодаль высились горы, а за ними виднелось голубое море. Небо как таковое отсутствовало. Вместо него вверху парила голубая дымка, сквозь которую просвечивал все тот же яркий белый свет, который ее ослепил, когда ангел только отдернул занавески. Открывшееся зрелище так поразило Лиду, что она на мгновение забыла, что умерла, и подумала о том, что с удовольствием провела бы здесь всю свою жизнь.

– Почему на улицах никого нет? – спросила Лида, немного придя в себя. – Мы здесь одни?

– О нет, просто сейчас все заняты своими делами, они ищут решения, – ответил Толин.

Лида хотела было продолжить, но осеклась – вспомнила о просьбе ангела не торопиться узнать все ответы. Они подошли к парапету балкона, и внезапно центральная часть перегородки опустилась. Стоять на краю пусть неглубокой, но все же пропасти Лиде совсем не нравилось.

– А это для чего? – с опаской проговорила она.

– Ты же хотела увидеть других, пойдем!

В голосе ангела она расслышала нотки иронии.

– Но... но тут же нет лестницы... и тут высоко... я даже боюсь посмотреть вниз...

Каждый раз, когда она пыталась опустить глаза, у нее начиналось головокружение.

– Бояться могут только люди. А ты уже не человек. Твоя оболочка навсегда разъединилась с тобой, через девять дней ты, вероятно, даже не вспомнишь, как выглядела, чем занималась и как тебя звали, – парировал Толин. И после небольшой паузы добавил: – Если ты этого захочешь.

– Вам хорошо говорить, вы знаете каждый сантиметр этого мира, вас уже ничем здесь не удивить. А я, несмотря на то что прошла это ваше «очищение», все равно еще помню свои прежние эмоции, это как рефлекс, и... – На этом месте он снова прервал ее:

– Рефлексов больше нет. У души нет кратковременной и долговременной памяти. Это сродни той болезни, от которой ты страдала последние годы перед смертью. Здесь твоя душа пройдет через своеобразное забвение. Чем дольше ты здесь будешь находиться, решать свои проблемы из прежней жизни, вспоминать и делать новый выбор, тем больше начнешь забывать. К концу девяти дней ты ответишь на все вопросы и поймешь, что тебя ждет дальше. – Толин говорил об этом таким будничным тоном, но Лиду его голос просто завораживал. – Память была у твоего мозга, но он уже умер. Ты думаешь, когда твое сердце начинало учащенно биться при виде самолета, – это боялась твоя душа? Нет. Или когда ты вспоминала неприятные моменты, через которые прошла, и сердце екало – это душа? Снова нет, – продолжал он. – Это твой мозг заставлял тебя так реагировать. Тебя с детства приучали к определенным понятиям: холодно – жарко, хорошо – плохо, умный – глупый, и список можно продолжать до бесконечности. Но теперь все изменилось. Чтобы научиться смотреть на свою жизнь не через призму предрассудков, а глазами души, ты должна прежде всего отбросить страхи и сделать шаг вперед. Ты не разобьешься, потому что у тебя нет тела, и не умрешь, потому что ты уже умерла, – подытожил он. – Балконы в комнатах сделаны не случайно. Они являются единственным выходом из помещения. Ты не заметила, но в комнате, где мы находились, не было дверей. Здесь все по-другому, и чем быстрее ты к этому привыкнешь, тем скорее сможешь сделать выбор.

– Да о каком выборе вы все время говорите?! Что выбирать? Рай или ад? – не выдержала Лида.

– Ты все узнаешь позже, – закрыл тему Толин и улыбнулся. – А сейчас наберись храбрости и шагни вперед.

– Вы хотите сказать – вниз? – с усмешкой спросила Лида.

Она подошла к краю. В конце концов, действительно, терять ей уже нечего, а интерес к ощущениям в свободном полете у нее всегда был, просто она боялась себе в этом признаться. Лида не могла себе представить прыжок с парашютом в личном исполнении. И к тому же всегда находились люди, которые ее отговаривали от безумных идей. Видели бы они ее сейчас, на краю балкона без ограждения, под которым простирался порядка тридцати метров, а потом – булыжная тропинка, ведущая от дома к калитке.

– Я могу хотя бы зажмуриться? – поинтересовалась она.

– Можешь, конечно, но это для тебя ничего не изменит. Так же, как я слышу твои мысли, а ты, при желании, могла бы слышать мои, ты будешь видеть то, что захочешь, и наоборот.

Окончательно запутавшись, Лида расставила руки в стороны, подалась всем корпусом вперед и сделала шаг. Она действительно не могла не смотреть вниз, как ни пыталась закрывать глаза. Ангел оказался прав, ее душе хотелось сполна прочувствовать ощущение свободного полета. Сначала Лида подумала, что все закончится через несколько секунд, но, поскольку здесь отсутствовала гравитация, равно как и тяжесть тела, она не упала, вопреки ожиданиям, а просто зависла на уровне балкона. Удивленно посмотрела на Толина:

– А почему я не падаю? – и сама поразилась наивности своего вопроса. – И что теперь?

– А теперь можешь делать все, что пожелаешь! – И с этими словами Толин спрыгнул и разлегся в воздухе, будто на диване, закинув руки за голову, прямо около нее.

Лида нервно усмехнулась и попыталась занять хоть какое-то удобное для себя положение, потому что все еще висела на уровне балкона в полусогнутом состоянии. Она сгруппировалась и легла на живот, вытянув руки вперед. Улыбнулась:

– Прямо как супермен! А теперь я могу полететь куда-то?

– Попробуй!

Она напряглась и, оттолкнувшись ногами от балкона, вдруг поняла, что летит! Чувство радости внезапно пронзило каждый уголок ее новой оболочки. Ощущение свободы поглотило ее целиком, так, словно не было за плечами долгой и непростой жизни, груза ошибок, страхов, разрушенных надежд. Неужели такое возможно? Ради этого стоило умереть. Она забыла обо всем на свете, так ее завораживал процесс. Лида поворачивалась, спускалась, поднималась, и возникало такое чувство, будто она всегда умела это делать. Полет уже не казался чем-то противоестественным, а страх высоты словно испарился.

Внезапно ее взгляд остановился на Толине, который наблюдал за ней, возлежав у балкона в прежней позе. В его глазах читалось что-то странное. Но, заметив, что она за ним наблюдает, он выпрямился в воздухе, подлетел к ней и молча протянул руку.

– А теперь мы отправимся за тем, зачем ты здесь, – сказал он, и они спустились.

Он отворил калитку. «Странно, что не прошел сквозь нее, как это обычно делают в фильмах про привидения», – пронеслось в голове у Лиды.

– Ну, я же не привидение, – ответил Толин.

Она уже и забыла, что здесь все мысли становятся слышны.

Глава 3

Когда жизнь катится под откос...

20 сентября 2009 года

Я открыла глаза и огляделась. Устав дребезжать на прикроватной тумбочке, телефон рухнул, и теперь его трели раздавались откуда-то снизу. Я села на кровати. Мне снился какой-то странный сон, но о чем, я никак не могла вспомнить. Кажется, про моего бывшего, и еще в голове вертелся образ незнакомой пожилой женщины. В общем-то это уже не важно, потому что если через пять минут я не выбегу из квартиры, то непременно опоздаю на работу. Раньше я об этом, вероятно, даже не задумалась бы, но во времена кризиса и повальных увольнений раздражать работодателя казалось не лучшей идеей.

Вскочив с кровати и встряхнув головой, словно пытаюсь скинуть с себя все еще давящие оковы сна, почти побежала в ванную. Попить кофе я уже явно не успеваю, равно как и накраситься в спокойной обстановке. Умываясь и внезапно задержав взгляд на своем отражении, я на мгновение задумалась. Конечно, тридцать четыре года – это совсем немного, если рассматривать цифру в масштабах всей жизни. Однако морщины с каждым годом становятся все заметнее, и каждый раз, думая о прожитом отрезке жизни, я невольно раскаивалась из-за того, что так толком ничего и не достигла.

Я неплохо выглядела, постоянно занималась в тренажерном зале, придерживалась диеты, но все равно не могла похудеть до размера своей мечты – сорок четвертого. Какого цвета у меня были волосы в юности, пожалуй, не мог сказать уже никто, даже моя собственная мать, так часто я перекрашивалась во всевозможные оттенки. Однако в тридцать мой стиль сформировался, и я остановилась на рыжем, не ярком, а глубоком, что-то вроде окраса ирландского сеттера. Серые глаза все чаще выглядели уставшими, потому что выспаться при моем графике работы было практически невозможно. Наверное, меня считали привлекательной, я скорее нравилась мужчинам, но они никогда не воспринимали меня всерьез или, по крайней мере, умело скрывали свои чувства.

Мысли неслись так быстро, как будто сейчас не девять утра, а как минимум шесть вечера.

Через пять минут я уже сидела в еще не прогретой машине, пытаюсь нанести тон на лицо, глядя в зеркало заднего обзора. Наконец совсем новенькая машина резко тронулась с места назад, и тут же раздался протяжный агрессивный гудок. Я оглянулась. Огромный джип стоял в сантиметре от моего багажника, и я почему-то его не заметила!

– Идиотка, куда едешь?! – услышала я мужской голос из открытого окна.

Возможно, если бы имелось время, я тоже опустила бы стекло и сказала все, что думаю об обладателе этого большого черного коня, но сейчас было совсем недосуг заниматься потасовками. Я и так опаздывала на полчаса.

И могла думать только об одном: как не попасть на глаза моей начальнице Насте, отличавшейся большой долей пронизательности и изрядной толикой стервозности, в хорошем значении этого слова.

Я завернула на заправку, чтобы купить бутерброд и кофе. Пытаясь рулить одной рукой, держа сэндвич в другой, неспешно выкатила на дорогу. Машин, как обычно, было очень много. Встав в пробку, я вздохнула с облегчением. Теперь можно спокойно допить бодрящий эспрессо, накраситься и собраться с мыслями. Сегодня мне предстояла важная встреча с рекламодателями, которых ни в коем случае нельзя упустить. В последнее время все глянцевого жур-

налы уменьшились в объемах в два раза, а некоторые и вовсе закрылись, поэтому появление этой фирмы все восприняли как подарок судьбы.

Небо все сильнее нахмуривалось, и вот уже мелкие капли дождя застучали по лобовому стеклу, а «дворники», уныло постукивая, задвигались из стороны в сторону. Я открыла окно и зажгла сигарету. Сколько раз пыталась избавиться от дурной привычки, но каждый раз случилось что-то, что выбивало меня из колеи, и я снова начинала курить. Промозглый ветер дунул в окно так резко, что захотелось немедленно бросить начатое, но вместо этого я просто включила печку на максимум. По машине разлилось приятное усыпляющее тепло, мгновенно перемешивающееся с воздухом с улицы. Запахи выхлопов, нотки сигаретного дыма и кофе смешались, создав в машине ту самую атмосферу, которая так умиротворяла меня по утрам. Внезапный звонок телефона вывел из задумчивости.

– Алло! – устало ответила я, поленившись посмотреть на номер, высветившийся на определителе.

– Лида, где тебя носит? – раздался строгий голос на другом конце.

«Черт, Настя!» – подумала я, сразу же очнувшись от легкой мечтательности, нахлынувшей было, но вслух произнесла:

– Настя, прости, пожалуйста, я уже час стою в пробке на Третьем кольце, не знаю, что у них тут случилось, но я обязательно приеду ко встрече.

– Не надо рассказывать мне сказок. Во-первых, не забывай, что наличие пробок я могу проверить по навигатору, а во-вторых, я только что обогнала твою машину, и, судя по тому, как недалеко ты отъехала от дома, ты, как обычно, проспала. – Голос Насти звучал спокойно, но очень холодно. – Послушай, ты знаешь, что в наше время найти работу для специалиста твоего профиля очень сложно и что я терплю тебя в последние годы только потому, что ты давно у нас работаешь? Я уже много раз тебя предупреждала о моей нелюбви к непунктуальности. Я в курсе того, что переговоры с этим рекламодателем во многом и твоя заслуга, но, поверь мне, я ни на минуту не задумаюсь и сразу же уволю тебя, если возникнут какие-то проблемы с контрактом. И не буду разбираться, по чьей вине они затормозили сотрудничество, поверь мне, – с этими словами Настя бросила трубку.

– Черт, черт, черт! – только и смогла выговорить я. Такого поворота событий я никак не могла ожидать. Конечно, мы не были с Настей закадычными подругами, но в издательском доме о нашем тандеме обычно хорошо отзывались. С чего вдруг такие перемены? Все-таки затянувшийся кризис изрядно подсадил нервы и руководителям, и подчиненным. Самое обидное то, что если бы меня сейчас уволили, шансы найти новую работу по профилю практически отсутствовали. Много знакомых пиарщиков гораздо более высокого уровня, чем я, сидели без работы уже не первый месяц, перебиваясь статьями и разовыми организациями вечеринок.

Я в задумчивости допила свой кофе, окончательно остывший, без сахара, оттого вдвойне неприятный. Ведь готовилась к этой встрече, а значит, все должно пройти нормально, и вообще, ничего страшного пока не происходит. Я подъехала к небольшому офисному зданию и припарковала машину. Войдя в холл и поприветствовав секретаршу, сразу направилась к своему рабочему месту, ведь до встречи оставались считанные минуты.

Я бодро села за стол и начала переписывать презентацию на свой рабочий ноутбук. Развернувшись, чтобы направиться в переговорную, чуть не сбила с ног Настю, которая, по всей видимости, уже несколько минут стояла за спиной, наблюдая за мной.

– Настя, прости, я все знаю, я готовилась дома, потому и опоздала. Поверь, встреча пройдет отлично. Они обязательно подпишут контракт, – я попыталась не дать ей сказать даже слово, чтобы не возобновлять начатый разговор, но моя речь явно не произвела на начальницу никакого впечатления. Насте было уже хорошо за сорок, и ввести ее в заблуждение мог только очень опытный и чуткий знаток психологии, к разряду которых я, увы, не относилась.

– Лида, послушай, у нашего журнала серьезные проблемы. Сегодня я общалась с французами, и они сообщили, что, если мы не подпишем еще хотя бы один контракт на рекламу в этом месяце, нас закроют. До конца сентября всего десять дней. Поэтому, скорее всего, это наша последняя возможность выкрутиться. И если... – Ее речь прервал звонок моего телефона.

Я опустила глаза на стол и увидела незнакомый городской номер.

– Извини, Настя, – торопливо проговорила я и сбросила линию.

– И если ты не заключишь эту сделку, то тем самым лишишь работы не только себя, но и еще множество людей. И я позабочусь о том, чтобы после этого тебя не взяли ни в одно другое приличное издание, поверь мне! А теперь – на переговоры, быстро! – сказала она, развернувшись на каблуках, и направилась к двери решительным шагом.

Я стояла в замешательстве, не в силах пошевелиться. Если уж учредители грозятся закрыть журнал, значит, все серьезно. И, судя по тону Насти, которая к концу тирады почти перешла на крик, начальница настроена крайне решительно.

Экран телефона снова озарился голубым светом, и опять появился тот же незнакомый номер. Я была совершенно не настроена общаться с кем бы то ни было, тем более с неизвестными людьми, а потому снова сбросила линию, а затем, немного подумав, и вовсе выключила телефон.

Глубоко вдохнув, я вышла в коридор и направилась к переговорной. Сквозь стеклянную стену увидела, что Настя уже там, любезно улыбается пиарщице и бренд-менеджеру наших потенциальных рекламодателей. Увидев меня, она помахала рукой, приглашая присоединиться. Я зашла в комнату. В воздухе стоял запах сигаретного дыма. Всегда ненавидела людей, которые курят в офисах, и надо же было такому случиться, что моя начальница относилась именно к таковым.

– Привет, Алена, привет, Ира! – обратилась я к клиентам. – Прошу прощения за опоздание, но я попала в ужасную пробку, а ведь выехала за два часа до встречи! – и почувствовала на себе уничижающий взгляд Насти, которая пользовалась тем, что все остальные смотрели на меня.

– Итак, Лида расскажет вам, как она видит эту кампанию, – перебила она меня.

Я открыла ноутбук и приготовилась показывать макеты и статьи. Контракт обещал быть серьезным, и я работала над проектом недели две. Внезапно экран погас, едва высветив первую картинку.

– Черт! – вырвалось у меня.

– Подождите, пожалуйста, минутку, – оперативно среагировала Настя. – У Лиды есть копия. – И, обращаясь ко мне, процедила сквозь зубы: – Возьми мой компьютер!

Я почти бегом выскочила из кабинета, пронеслась через весь коридор за несколько секунд, схватила флешку у себя со стола и ринулась к Настиному кабинету. Схватив ее ноутбук в охапку, забежала обратно в переговорную. Алена и Ира выглядели явно недовольными, а Настино лицо выражало плохо скрываемое раздражение. Я включила ноутбук начальницы и, дождавшись загрузки, запустила презентацию прямо с флешки. По мере перелистывания слайдов лицо Насти немного разглаживалось. Я перевела взгляд на лица рекламодателей, но, судя по их выражению, что-то явно шло не так. Я продолжала рассказывать про преимущества нашего издания и про то, насколько они увеличат продажи, как вдруг Ира прервала меня:

– Подождите, Лида! Нас также интересует ваш сайт. Насколько он в данный момент функционален? Сколько посетителей в сутки на него заходит? Мы бы хотели запустить полноценное промо, с баннерами и конкурсами.

– Э-э-э, – замешкалась я, переведя взгляд на Настю, в глазах которой застыл ужас, – наш сайт... Мы сейчас как раз занимаемся ре-дизайном, чтобы привлечь к нему большую аудиторию. В наших планах сделать на нем полноценный форум и онлайн-консультации, но это все на

стадии разработки, и нам потребуется хотя бы месяц, чтобы привести все в тот вид, в котором мы хотим, чтобы он был.

– Так сколько человек заходит на сайт сейчас? – К атаке подключилась Алена. – Мы на прошлой неделе общались с журналом «М», и они очень порадовали нас своей статистикой. Что вы можете предложить нам? Сейчас не так много людей, способных позволить себе покупку журнала в регионах, а нашу продукцию покупают в основном именно там. «М» уже многое сделал с прошлой зимы, чтобы провести ре-дизайн сайта, он стал одним из десяти самых посещаемых порталов, а чем в это время занимались вы? – Одна бровь Алены изящно поднялась, а губы скривились в усмешке. – Я ведь просила Настю с самого начала предоставить нам эту информацию.

– Алена, я помню, но мы не успели воплотить все задумки в полном объеме, наш проект настолько масштабен, что...

– Что вы ни черта не сделали за три месяца! – подытожила Ира. – Боюсь, я не вижу перспектив нашего сотрудничества. Особенно в свете того, что я вообще боюсь планировать бюджет под ваш журнал. В «М» мне сказали, что вас, скорее всего, закроют до Нового года.

– Это неправда, – попыталась соврать Настя.

– Не так важно, – перебила Алена. – Если вы когда-нибудь запустите ваш проект, пишите-звоните, – и с этими словами они обе поднялись из-за стола. – До свиданья!

Наша последняя надежда уже подходила к дверям.

– Ну а если, – начала было я, но, увидев Настину поднятую руку, поняла, что продолжать бессмысленно. И вместо того чтобы высказаться, подытожила: – Хорошо, как только мы закончим, я обязательно вышлю вам презентацию. До свиданья.

Дверь захлопнулась, и я опустилась на стул. Настя стояла без движения. В ее глазах застыл панический страх, а лицо сделалось бледным как полотно. Шесть лет она раскручивала этот журнал практически с нуля, и вот теперь все окончательно рухнуло, и из-за чего!

– «М» предложил им откат, – вслух произнесла она, – и немалый, а еще эта стерва наверняка пообщалась с французами, когда была в Париже. И теперь нас закроют, а их оставят. Потому что она пообещала им, что рекламодатель уйдет к ним. Все кончено, Лида, можешь вывешивать свое резюме, – и с этими словами она вышла из переговорной.

Я продолжала сидеть неподвижно, пытаюсь переварить новости. Клиенты явно не собирались вести никаких диалогов, все было решено заранее, они пришли исключительно для проформы. И даже если бы у нас был самый посещаемый портал, какой только можно вообразить, они бы все равно нашли к чему придраться. «И чего я так торопилась и нервничала», – пронеслось в голове. Но эту мысль тут же сменили другие. На мне ведь был кредит за машину и квартиру, и чем его отдавать, в свете грядущего личного финансового кризиса, было совершенно непонятно. Мамина пенсия не решила бы проблему.

Я вернулась к столу в мрачном расположении духа. Светка, редактор по здоровью, подошла ко мне с надеждой в глазах и вопросом: «Ну что?» Увидев выражение моего лица, она тоже погрустнела.

– Тебя уволили?

– Хуже, Светик, хуже. Нас всех уволят, – ответила я. – Настя сказала, что мы можем начинать рассылать резюме.

– Да ты что?! Все так серьезно! – Светка вдруг показалась мне похожей на какую-то птицу, так вытянулось ее лицо и расширились глаза.

– Угу, – отозвалась я.

Светка, понурившись, вышла в коридор и побрела в сторону ресепшена. Через час весь офис говорил о грядущих переменах, и девчонки уже громко начали пререкаться на тему того, кому достанется микроволновка из офиса, а из дальних углов доносилось: «Ты не представляешь, нас закрывают». Краем глаза я видела, что Настя, накинув плащ, покинула офис все с тем

же «непробиваемым» выражением лица. Но я даже не пыталась у нее что-либо спрашивать, я увлеченно закидывала письмами своих знакомых в журналы, а также вывешивала резюме на различных сайтах. Внезапно вспомнила о пропущенных неизвестных звонках. Включила телефон. Было уже пять часов вечера. На экране высветилась эсэмэска: «Пятнадцать пропущенных звонков». Я просмотрела список и увидела, что среди вызовов от неизвестного номера был один от Паши. Тут же начала перезванивать ему.

– Привет, извини, я была на переговорах, выключала мобильник, – выпалила я.

– Привет, Лида, да ничего. Слушай, я хотел тебе кое-что сказать. Дело в том, даже не знаю, как лучше начать, – услышала я в трубке его как обычно спокойный и тихий голос. – Короче, у моей фирмы проблемы, и я уезжаю. Не знаю, на сколько и вернусь ли я вообще.

– О, так возьми меня с собой, я теперь безработная, – улыбнулась я.

– Как безработная? Тебя сократили? – удивился Паша.

– Нет, журнал закрывают. Последний рекламодатель сегодня перебежал к «М», – ответила я.

– Сочувствую, Лидок, но, уверен, ты что-нибудь придумаешь! Понимаешь, я не могу тебя взять, Марина едет со мной, и она... она беременна. Прости, что вот так, как снег на голову тебе все это выкладываю, малыш, но ты же понимаешь, что я сам ничего не знал. Все открылось буквально вчера вечером... – Я его уже не слышала. Я опустила трубку и вдруг все поняла. Он никогда не собирался бросать свою жену. И разговоры о том, что он не сможет от нее уйти, пока дети не станут совершеннолетними, и о том, что мне нужно сделать аборт, потому что у него уже и так трое детей, которых тяжело содержать, – все это было ложью, жестокой, отвратительной ложью... – Лидуня, Лид, ну послушай, – услышала я голос из трубки, всегда казавшийся таким родным, но в одночасье ставший абсолютно посторонним, каждая его нотка словно резала сердце напополам. Я подняла телефон к уху и холодно спросила:

– Да? Что-то еще?

– Ты пойми, я пока сам в шоке, но, если я не уеду, случиться может все, что угодно. Но это же не навсегда, я вернусь, через пару месяцев, и мы с тобой все обсудим. Хорошо, малыш? – Его голос был теперь почти незнакомым.

– Нет, Паш, не нужно. Езжай, и когда вернешься, ты меня не ищи, ладно? Только вот скажи, тебе не жалко того ребенка, который мог у нас родиться?! – спросила я.

– Лида, да пойми ты! Я ничего не знал, а сейчас пятый месяц, она молчала, аборт делать уже поздно! Думаешь, я рад тому, что потяну четверых детей и жену на шее? Я вчера с ней разругался в пух и прах, и вообще... ой, подожди, другая линия! Сейчас, повиси пару минут, это по делу! – Я услышала незатейливый мотивчик, а потом снова его голос: – Да, мой пупсик, как себя чувствует наша будущая мамочка, а, Оленька? – Он звучал так ласково, со мной Паша никогда так не разговаривал, даже в моменты, когда мы были близки.

Все стало ясно. Я даже не хотела спорить, или плакать, или пререкаться, не было смысла.

– Поругались, говоришь? – только и ответила я. – Удачно тебе разрулить все дела, – и с этими словами нажала на кнопку «Отбой», а затем и вовсе выключила телефон. Сердце стучало часто-часто, но сейчас мне казалось неважным, бьется ли оно вообще. Я встала из-за стола, вышла в коридор, на автомате дошла до стола ресепшен, сказала секретарше, что уже не вернусь сегодня, и вышла, почти выбежала из офиса.

Дождь, вопреки ожиданиям, не прекратился, а лишь усилился. Пока я добежала до машины, припарковать которую недалеко у выхода не удалось, промокла до нитки. Наконец я захлопнула за собой дверь и включила двигатель. Трясущимися руками достала сигарету и жадно затянулась. В ушах звучала чертова фраза: «Да, мой пупсик, как себя чувствует наша будущая мамочка, а, Оленька?» Ну почему, почему я позволила себе потратить столько лет на то, чтобы дожидаться этого? Я даже не знала, как его назвать после всего произошедшего. И зачем я сделала аборт?! Сейчас у меня был бы малыш. Я бы вернулась домой, он бы обнял

меня, и мне стало бы легче... А потом он попросил бы меня купить ему новую игрушку, а я бы ответила: «Знаешь, меня уволили, нам придется зажаться, дорогой!» Я нервно усмехнулась. Наверное, правду говорят: все, что ни делается, – к лучшему!

Росла уверенность, что я играю главную роль в каком-то абсолютно абсурдном латиноамериканском сериале. Мне всегда казалось, что одновременно все плохо бывает только в такого рода фильмах, но не в жизни. Хотя, с другой стороны, я бы не отказалась в конце двести пятидесятой серии выйти замуж за богатого плантатора или хотя бы хозяина фирмы, где когда-то работала.

Глаза вдруг наполнились слезами. Я почувствовала, что вытираю влагу со щек. Это отдавало дешевой мелодрамой. Сквозь слезы я смотрела на фонари, и они казались такими прекрасными, словно звезды, яркие, желтые и недосыгаемые, и это видение вдруг наполнило меня удивительным спокойствием. Я вращала головой, наблюдая, как свет от фонарей оставляет за собой расплывчатый след, и думала, что сейчас, наверное, скорее счастлива, чем расстроена.

Итак, перспективы «замечательные». К своему тридцатипятилетию я осталась без работы, мужчины, надежд на создание семьи и самое ужасное – без квартиры. И как я все это объясню маме? Кстати, странно, что она не звонила сегодня. Я включила телефон. На экране высветилось пять пропущенных звонков от Паши, но я быстро стерла их вместе с его номером из памяти телефона. Позвонила домой, но мама не брала трубку. Я набрала на мобильный, но мне ответили, что абонент временно недоступен. Вероятно, она, как обычно, забыла зарядить телефон и ушла к кому-то из подружек. «Ну да ладно, пока я доеду до дома, она как раз вернется», – подумала я, снова выключила телефон и отъехала от офиса.

Дорога домой оказалась на удивление свободной. Я постаралась абстрагироваться от мыслей о происшедшем, выпила успокоительное, всегда лежавшее в бардачке на всякий случай, и включила музыку на полную громкость. Старый добрый Фрэнк Синатра! Пусть говорят, что это мужская музыка, но, когда весь день вертишься как белка в колесе и получаешь целую тучу неприятных новостей, ничто так не расслабляет, как «Му way». Я начала подпевать в голос:

– And now, the end is near, and so I face, the final curtain..¹

Проезжавшие мимо водители смотрели на меня с удивленными улыбками, но я ловила их взгляды уголком глаза, даже не оборачиваясь.

– Regrets, I had a few, and then again too few too mention..²

А вот уже и дом, милый дом. С трудом припарковавшись во дворе, я бодро поднялась по лестнице и позвонила в дверь. Никто не открыл, только Крис, наша такса, звонко залаяла. «Странно, – подумала я. – Седьмой час, где же мама?» Открыла дверь ключом и зашла в коридор.

– Mam, ты не спишь?

Но никто не ответил. Крис кинулся мне в ноги, скуля и повизгивая, заюлил на месте, а затем начал облизывать руки, поднявшись на задние лапки. Я разделась и, пройдя на кухню, нажала на кнопку прослушивания сообщений на автоответчике. Глядя на ярко-красный кухонный гарнитур, о котором так долго мечтала, я с ужасом думала, что, скорее всего, теперь его придется продать, ведь мы почти наверняка будем вынуждены переезжать в меньшую квартиру.

«Лидия Сергеевна, вас беспокоят из 64-й больницы». Я насторожилась, не представляя, что им от меня нужно. «Ваша мама, Казакова Анна Александровна, сегодня поступила к нам

¹ И вот конец уже близок, и я стою перед последним занавесом (англ.).

² Сожалею в этой жизни я всего о нескольких моментах, и они слишком незначительны, чтобы вообще их вспоминать... (англ.).

в реанимацию, пожалуйста, срочно свяжитесь с нами, на мобильный мы вам прозвониться не смогли».

«Боже, так вот что за незнакомые звонки были на телефоне! Боже, мама, мама, нет, нет, с ней же наверняка все хорошо».

Я ринулась прочь из квартиры, захлопнув дверь, сбежала по ступеням вниз, вскочила в машину и поехала. Мама уже лежала в этой больнице в прошлом году, она в двух кварталах от дома. Не помня себя, я бросила машину у ворот, несмотря на протесты выбежавшего охранника, и вбежала сквозь проходную к крыльцу с надписью «Приемное отделение».

– Девушка, мою маму сегодня привезли к вам, она в реанимации, Казакова Анна Александровна, пятьдесят второго года рождения, – выпалила я, увидев проходящую медсестру.

– Ждите, я сейчас посмотрю, – отозвалась та и направилась к столу с журналом. – Ой, девушка, а вам разве не звонили из реанимации? – спросила она, подняв на меня глаза.

– Нет, а должны были? – ответила я с тревогой. – Я не знаю, я выбежала из дома, как только прослушала первое сообщение, я так перепугалась, у нее в прошлом году был инфаркт, она у вас тут тоже лежала.

– Знаете, – проговорила медсестра, замешкавшись...

Автоответчик продолжал воспроизводить сообщения, даже когда Лида захлопнула дверь. Сначала было несколько пламенных тирад от Паши, с обещаниями вернуться, позвонить и все решить, когда они оба будут в состоянии это сделать. Потом сообщение от подруги Вероники, интересовавшейся, почему у Лиды весь день отключен телефон, как прошла презентация и не поругалась ли она в очередной раз с Пашей. А потом еще одно, из больницы, с просьбой привезти паспорт Казаковой Анны Александровны, скончавшейся в 64-й больнице.

Седеющий мужчина дослушал сообщения до конца и молча посмотрел на автоответчик. Внутри машинки что-то защелкало, задержалось, и автоответчик замолчал.

Глава 4

Беспросветная полоса

13 ноября 2009 года

Я глубоко вздохнула и толкнула дверь. Крис соскочил с моих рук, радостно лая, приветствуя знакомые интерьеры. Без мамы квартира выглядела непривычно пустой. Все время казалось: сейчас мама выйдет из кухни и скажет, что с ней все в порядке. Но умом я понимала, что этого не произойдет. Прошло уже некоторое время после похорон (я старалась не считать дни), и в моей жизни многое изменилось, увы, не в лучшую сторону.

Я открыла настежь балконную дверь и остановилась на пороге. Холодный воздух окатил волной, но от этого неожиданно стало лучше. Мне хотелось подбежать к краю балкона и закричать, заплакать, завывать, но вместо этого я спокойно подошла к парапету и, перевесившись через него, закурила сигарету. Я жадно втягивала в себя дым, мне хотелось, чтобы он пропитал меня всю, и с каждым новым глотком, казалось, становилось легче. Я вдруг ощутила, что щеки мокрые, хотя даже не заметила, как заплакала. От слез становилось немного спокойнее. Как будто я снова маленькая девочка, которую через несколько минут пожалеет мама, погладит по голове. Но ни мамы, ни кого-то еще не было рядом. Я почувствовала, что замерзла, и зашла обратно в комнату, опустевшую после того, как я перевезла часть мебели в Ярославль.

Накатила такая вселенская усталость, что я ощутила почти физическую боль. Хотелось только одного: закрыться где-нибудь и не двигаться, не поднимать головы, не выходить на улицу, спрятаться от всего происходящего, но я не могла себе этого позволить.

Итак, судя по всему, меня ждет новая жизнь, отличная от той, к которой я привыкла. Как там сказала Вероника? Дауншифтер? Кажется, так называется человек, который сознательно выбрал худшие условия жизни. Не уверена, что ко мне это относится, поскольку я была вынуждена что-то предпринимать в связи с тем, что не могла расплатиться с кредитами и рассчитаться за мамины похороны. При том что последние годы моя зарплата позволяла существовать на вполне приличном уровне, откладывая на черный день из-за долгов не получалось, а потому, узнав, что Настины слова о закрытии журнала подтверждаются и не найдя ни одного другого достойного места, я поняла, что настало время решений.

Вариантов оставалось не так много. Я могла сдать нынешнюю квартиру и переехать в другую, сняв меньшую. А могла продать ее, купленную в кредит, и приобрести что-то в Подмосковье. Однако, как выяснилось, из-за кризиса жилье изрядно упало в цене, и вырученных денег после разбирательств с банком хватало только на однушку в местах, отдаленных от Москвы и ближнего Подмосковья. Сначала выбор пал на города в пределах ста километров от столицы, но скоро я поняла, что выбирать фактически не из чего. Поэтому, помывавшись пару месяцев, согласилась на вариант риелтора – Ярославль, более чем в двухстах пятидесяти километрах от Москвы. Вероника пыталась успокоить меня, внушая, что девушка, выросшая вдали от столицы, в состоянии выжить в достаточно крупном городе.

Но я-то уже тогда понимала, как будет трудно. Ведь это означало начинать все с нуля: обставлять квартиру, искать работу, друзей, выяснять, где что лежит в магазинах (казалось бы, что может быть проще, но на это тоже требуются время и силы, которые у меня отсутствовали). Я чувствовала опустошение, всей душой хотела поехать отдохнуть и с ужасом понимала, что не могу себе позволить подобную роскошь. С другой стороны, возможно, переезд поможет быстрее переключиться. И этой мыслью я себя успокаивала каждое утро, когда просыпалась, и каждый вечер, отправляясь спать.

Паша продолжал названивать каждый день, но, к удивлению, я не испытывала никакой потребности с ним общаться. Переезд позволит сменить не только адрес, но и телефон, и я смогу спокойно подходить к домашнему и мобильному, не опасаясь, что бывший возлюбленный звонит с чужого номера.

Я включила чайник, стоявший теперь на полу. Мой любимый красный кухонный гарнитур пришлось продать первым делом. Он был практически новый, и его удалось сбыть за вполне приличную цену. На эти деньги в Ярославле я купила новый диван и огромную стенку. Больше, кажется, ни на что не хватало. Машину тоже пришлось поменять. Кто бы мог подумать, что теперь я буду ездить на «Опеле» восемьдесят какого-то года. Спасибо, что хоть с коробкой автомат, а не с механикой. И хотя мою прежнюю ласточку я никогда не забуду, мысль о наличии гидроусилителя и отсутствии педали сцепления в моей «новой-старой» машине грела душу.

Вода вскипела, я заварила чай в кружке. Надо собрать вещи, а оставшуюся мебель отгрузят под руководством Вероники. Как жалко оставлять эту квартиру! Я так о ней мечтала, представляла, как мы с мамой будем жить в ней, и вот теперь должна бросить все и переехать за двести пятьдесят километров от Москвы.

Я задумалась о том, как быстро в этой жизни все может измениться, и совсем не в лучшую сторону. Еще вчера я была преуспевающей женщиной с новой машиной и квартирой, расположенной недалеко от центра. Работала в престижном журнале на руководящей должности, встречалась в свободное от трудовых будней время с состоятельным женатым мужчиной. И вот теперь осталась абсолютно одна, если не считать собаки, без денег и прочих составляющих материального благополучия. Чай тем временем остыл, я слила остатки в раковину, сполоснула чашку и пошла в комнату, разгружать шкафы.

Посередине, прямо на полу, валялся раскрытый чемодан, в котором задремал Крис. Он и раньше проделывал это, не глядя, есть там запакованные вещи или нет, за что регулярно получал от меня взбучку. Но в этот раз я только улыбнулась, потому что еще ничего не успела сложить. Стала накидывать сверху на него свои футболки, а Крис, проснувшись, еще не понимая, где он, звонко залаял и выбежал из комнаты, оставив меня наедине с чемоданом. Я опустилась на колени, пытаюсь собрать разбросанную одежду, и снова заплакала.

Не знаю, сколько прошло времени, но Крис, почуяв неладное, вернулся и принялся облизывать мои руки, закрывавшие лицо. Я встрепенулась, словно глубоко спала, он даже немного отпрянул. Я усмехнулась. Он смотрел с такой проникновенностью, словно читал все мои самые потаенные мысли. Конечно же, мысль о том, что животное может меня понимать, казалась абсурдной, особенно потому, что в последнее время я сама себя не понимала. Но в то же время она меня очень успокаивала. Ведь это означало, что хоть кто-то на белом свете мог посочувствовать мне, кроме мамы, которой теперь не было рядом.

«Так, ладно, хватит», – скомандовала я себе и продолжила собирать чемодан. Глядя на состояние одежды, я представляла, сколько часов придется провести за гладкой, но почему-то все расстройство отошли на второй план. Я могла размышлять только о том, как начну новую жизнь в Ярославле. Хотелось верить, что там все будет по-другому.

Закончив сборы, я попыталась захлопнуть чемодан, что оказалось очень сложно сделать, настолько он раздулся. В другие времена я бы отправилась в магазин и купила еще один, огромных размеров. Но на дворе стоял кризис «с косой», и было страшно совершать неосмотрительные траты, тем более что отдых в ближайшее время предстоял в лучшем случае на Волге. А для этого, учитывая новое место жительства, и чемодан-то не нужен, достаточно просто бросить в пляжную сумку купальник. В общем, при желании можно найти массу преимуществ переезда, но искать их почему-то не хотелось.

Я выпустила Крису из квартиры, вытолкала тяжеленный сундук с одеждой и нажала на кнопку лифта. Неожиданно вышла соседка.

– Переезжаете на новую квартиру?

Ей казалось, что этот вопрос она задала полным участия голосом.

– Да, в Ярославль.

Я заметила ужас в ее глазах.

– А Ярославль – это далеко, да? – из вежливости поинтересовалась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.